

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Женевьева

Все мои родственники, даже самые дальние, собрались в одной комнате. Одетые в черное, сбившиеся в кучки люди толпятся рядом возле сырных тарелок и блюд с закусками. На стенах мои детские фотографии. Время от времени кто-то стучит вилкой о бутылку Guinness или стакан Jameson, ознаменовывая тост, дабы рассказать очередную неуместную байку о том, как однажды мама каталась топлес на гидроцикле прямо на праздновании Дня независимости. И пока отец, явно сконфуженный, стоит и смотрит в окно, я сижу со своими братьями, притворяясь, будто все мы знакомы с этими историями о нашей матери — любительнице веселья, живущей по принципу «хватай жизнь за яйца», Лори Кристин Уэст... Когда на деле мы вообще ее не знали.

— Короче, мы путешествовали во Флориду в старом грузовичке мороженщика и курили, — начинает Кэри, один из маминых кузенов, — и где-то южнее Саванны слышим шум, типа шороха, доносящийся откуда-то сзади...

Вцепляюсь в бутылку воды, ужасаясь тому, что делала бы, останься я с пустыми руками. Не вовремя я решила завязать, это уж точно. Все, на кого я натыкаюсь, пытаются всучить мне какой-нибудь

напиток, поскольку не знают, что можно сказать бедняжке, потерявшей мать.

Мысль о том, чтобы ускользнуть в спальню с бутылочкой чего-нибудь горячительного и провести так остаток дня, несомненно, закрадывалась мне в голову. Только вот я по-прежнему жалела о последнем разе, когда сорвалась.

Однако подобная перспектива однозначно сделала бы все эти мучения более терпимыми.

Двоюродная бабушка Милли кружит по дому, словно золотая рыбка в аквариуме, и каждый раз останавливается возле дивана, чтобы потрепать меня по руке и слабо сжать запястье, а после упомянуть, как же я похожа на свою мать.

Супер.

— Кто-нибудь должен ее остановить, — шепчет мой младший брат Билли. — Она же в обморок шлепнется. Смотри, какие тощие у нее лодыжки.

Бабуля Милли приятная и все такое, но уже начинает пугать. Если она назовет меня именем матери, я могу и взорваться.

— Тут я говорю Луису выключить радио, — продолжает кузен Кэри, воодушевившись этой историей, — ведь я пытаюсь выяснить, откуда идет шум. Подумал, что мы тащим что-то за собой.

Мама болела месяцами, прежде чем ей поставили диагноз — рак поджелудочной железы. Судя по словам папы, она мирилась с постоянными болями в спине и животе, которые списывала на признаки старости, а месяц спустя уже ее не стало. Но для меня все это началось только неделю назад. Сначала был звонок от моего брата Джея, который убеждал меня срочно приезжать домой, за ним последовал звонок от отца, тогда он и сказал, что мама долго не протянет.

Они держали это в тайне от меня. Ведь мама не хотела, чтобы я знала.

Но разве это нормально?

— Я имею в виду, этот стук длился несколько миль. И мы такие, уже приличные, понимаете? Наткнулись на какого-то старого хиппи-фрика в Миртл-Бич, а он посадил нас...

Кто-то кашляет, бормоча себе под нос.

— Давай не будем утомлять всех подробностями, — говорит кузен Эдди. Остальные кузены обмениваются знающими взглядами и понимающими ухмылками.

— В общем, — снова начинает Кэри, затыкая его, — слышим мы этот стук или что там такое. Тони за рулем, а ваша мама... — он салютует стаканом в сторону нас, ее детей, — стоит, значит, перед морозильником с этой хреновиной над головой, словно собирается забить енота намертво или что-то в этом роде.

Мой разум сейчас далек от этой нелепой истории, потому что мысленно я то и дело возвращаюсь к матери. Она неделями лежала в постели, готовилась к смерти. Последним желанием этой женщины стало то, чтобы единственная дочь узнала о ее болезни в самый последний момент. Даже моим братьям запрещалось находиться у ее постели, пока она медленно и мучительно приближалась к своей кончине. Мама предпочитала страдать молча, как всегда, держа собственных детей на расстоянии. На первый взгляд может показаться, будто она сделала это ради нас, но, подозреваю, это было ради нее самой: ей хотелось избежать всех тех эмоциональных, очень личных моментов, которые, без сомнения, вызвала бы ее неминуемая смерть. Так же она избегала подобного в жизни.

В итоге она почувствовала облегчение от того, что ей не пришлось играть для нас роль любящей матери.

— Никто не собирается открывать этот чертов морозильник, кто-то кричит Тони, чтоб тормозил, а он психует, потому что видит копов за пару машин от нас. И, о да, тут до нас доходит, что мы везем контрабанду через границу штата, так что...

Я могу простить ее. Она была собой, когда испустила последний вздох. Никогда не притворялась кем-то еще. Еще в детстве мы уяснили, что мама не очень-то нами интересуется, она ясно дала это понять, поэтому мы ни на что особо и не надеялись. А вот отец с братьями... могли бы рассказать мне о ее болезни. Как такое можно скрывать от дочери? От сестры? Пусть я и жила за сотни миль от них, они обязаны были открыть правду, черт подери. А вдруг я захотела бы ей что-то сказать, если бы мне дали больше времени подумать об этом?

— В конце концов Лори велит мне открыть дверцу, после чего мы, мол, распахнем боковую дверь, Тони сбросит скорость, а потом мы выбросим, что бы там ни пряталось, на обочину...

Раздаются смешки.

— Итак, мы считаем до трех, я закрываю глаза, распахиваю дверцу, ожидая, что сейчас-то это чучело вцепится мне в рожу. А вместо этого мы видим внутри какого-то дрыхнувшего чувака. Неизвестно, когда он к нам забрел. Может, тащился с самого Миртл-Бич. Просто свернулся калачиком и задремал.

Не так я представляла возвращение в Авалон-Бэй. В доме, где я выросла, полно скорбящих. Цветочные композиции и открытки с соболезнованиями на каждом столе. Мы покинули похороны несколько

часов назад, но, думаю, такие события не проходят бесследно. Это затягивается на дни. Порой даже на недели. Никогда не знаешь, когда будет уместно сказать: *«Ладно, хватит, возвращайтесь к привычным делам, а я вернусь к своим»*. Куда вообще выбрасывать трехфутовое сердце из цветов?

Когда история Кэри подходит к концу, отец постукивает меня по плечу и кивает в сторону коридора с просьбой следовать за ним. Он в костюме, наверное, всего третий раз в жизни, и я никак не могу к этому привыкнуть. Вот еще одна вещь, которая выбивается из общей картины. Приехать домой, в место, которое узнаешь лишь отчасти, это словно оказаться в альтернативной вселенной, где вроде бы все знакомо, а вроде и нет. Просто немного необычно. Наверное, я тоже изменилась.

— Давай поболтаем с тобой минутку, — произносит он, когда мы ускользаем с мрачных поминок. Отец никак не может оторвать руки от галстука, терев воротник рубашки: то ослабляет узел, то снова завязывает, точно чувствуя себя виноватым за небрежный вид. — Послушай, я понимаю, время совсем не подходящее, но я все же спрошу.

— Что такое?

— Хотел поинтересоваться, не планируешь ли ты задержаться здесь ненадолго?

Проклятье.

— Не знаю, пап. Я как-то пока не думала об этом.

Не ожидала, что меня так быстро загонят в угол. Рассчитывала, что за пару дней я посмотрю, как тут все пойдет, и тогда уже решу. Я уехала из Авалон-Бэй год назад и предпочла бы не возвращаться, если бы не обстоятельства. У меня своя жизнь в Чарльстоне. Работа, квартира. Коробки с заказами из Amazon скапливаются у двери.

— Мне тут пришло в голову, что ты бы могла помочь мне с бизнесом. Твоя мама занималась всеми офисными делами, и все пошло наперекосяк с тех пор как... — Он замолкает. Никто из нас не знает, как говорить об этом. О ней. Это кажется неправильным, с какой стороны ни взглянуть. Поэтому мы молчим и киваем друг другу, как бы обмениваясь одной и той же мыслью: *«Да, и я не знаю, но понимаю тебя»*. — Мне подумалось, если ты не очень спешишь, то сможешь заскочить и навести тут порядок.

Я представляла, что папа будет горевать, страдать, ему понадобится время собраться с мыслями, прийти в себя. Может, даже уехать куда-то порыбачить. Но это... он слишком многого просит.

— Что насчет Келлана или Шейна? Любой из них знает куда больше об управлении бизнесом, чем я. Не уверена, что они спят и видят, как я прихожу в офис и хозяйничаю без спросу.

Двое моих старших братьев уже несколько лет работают на отца. В дополнение к небольшому строительному магазину он владеет еще бизнесом по камнеобработке, обслуживающим ландшафтных дизайнеров и людей, которые хотят сделать реконструкцию дома. Со времен моего детства мама занималась внутренней кухней предприятия: заказами, счетами, платежными ведомостями, — а папа в это время делал так называемую грязную работу.

— Келлан — лучший мастер, что у меня есть, и со всеми этими перестройками после ураганов, которыми мы занимаемся на Южном побережье, я не могу позволить себе забрать его с рабочих площадок. А Шейн провел последний год, разъезжая с просроченными правами, потому что этот мальчишка никогда не открывает свою чертову

почту. Да я разорюсь через месяц, если подпущу его к документам.

Отец не ошибается. То есть я, конечно, люблю братьев, но как-то раз родители заставили Шейна понянчить нас, и он разрешил Джею с Билли забраться на крышу с коробкой вишневых бомбочек. Пожарные появились после того, как мальчишки стали бросаться бомбами из рогатки в соседских подростков, которые плавали в бассейне. Расти с двумя младшими братьями и тремя старшими было увлекательно.

И все же я не собираюсь становиться постоянной заменой мамы.

Я прикусываю губу.

— На сколько хочешь, чтобы я осталась?

— Может, на месяц или два?

Черт.

Обдумываю это с минуту, а затем вздыхаю.

— При одном условии, — говорю я ему. — Ты должен будешь начать поиск нового офисного менеджера в течение следующих пары недель. Я пробуду до тех пор, пока ты не найдешь подходящего человека, так что это временная договоренность. Идет?

Папа приобнимает меня и целует в висок.

— Спасибо, малышка. Ты правда меня выручаешь.

Отказать ему выше моих сил, пусть я и знаю, что в итоге останусь в дураках. Ронан Уэст может показаться той еще занозой в заднице, но он всегда был хорошим отцом: позволял иногда делать собственные ошибки, попадать в неприятности, однако всегда выручал. Даже когда папа злился на нас, мы знали, что ему не плевать.

— Притащи-ка своих братьев. Нам нужно кое-что обсудить.

Похлопав по моей спине, отец отсылает меня, и я отправляюсь на поиски братьев с ощущением надвигающейся беды. Прошлый опыт научил меня тому, что семейные встречи никогда ничем хорошим не кончаются. Они, как правило, означают лишь больше потрясений. Что совершенно ужасно, ведь неужели мало было попросить меня бросить свою жизнь и вернуться сюда? Я тут пытаюсь решить, не стоит ли расторгнуть договор аренды на мою квартиру или написать письмо арендатору, уволиться с работы или жалобно молить об отпуске, а мой отец придумывает еще дела?

— Эй, дурила! — Джей, сидящий на подлокотнике дивана в гостиной, пинает меня по голени, когда я подхожу. — Принеси мне еще пивка.

— Сам сходи, задница.

Он уже снял пиджак и галстук, белая рубашка расстегнута на несколько пуговиц, а рукава закатаны. Остальные ненамного лучше: все в той или иной степени потихоньку избавляются от костюмов с тех пор, как мы вернулись с кладбища.

— Вы видели мисс Грейс? Из средней школы? — Билли, который еще недостаточно взрослый, чтобы пить, пытается предложить мне фляжку, но я отмахиваюсь. Вместо этого ее хватает Джей. — Она появилась минуту назад с Кори Дусеттом, который нес в руках ее дурацкую карманную собачонку.

— Усатик Дусетт? — улыбаюсь я, вспоминая, как в старшей школе Кори отрастил эти жутковатые усики серийного убийцы и отказывался сбривать мерзкую полосочку, пока его под угрозой отстранения не попросили это сделать. Он пугал даже учителей. — Мисс Грейс, должно быть, уже лет семьдесят?

— Думаю, ей было семьдесят, когда я учился у нее в восьмом классе, — сообщает Шейн, и его передергивает.

— Так они, типа, трахаются? — Лицо Крейга искажается от ужаса. Его класс был для нее последним перед пенсией. Мой самый младший брат только выпустился из школы. — Какой-то треш.

— Ладно, пойдете, — зову я их, — папа в кабинете, хочет с нами поговорить.

Как только мы собираемся, отец снова начинает теревить галстук и воротник рубашки, пока Джей не передает ему фляжку и тот с облегчением не делает глоток.

— Пожалуй, просто скажу так. Я выставляю дом на продажу.

— Какого черта? — Келлан, старший, высказывается за всех нас, прерывая речь отца. — Это еще с чего?

— Теперь тут только я и Крейг, — объясняет папа, — и через пару месяцев, когда он уедет в колледж, не останется ровно никакого смысла содержать этот большой пустой дом. Пора начать экономить.

— Пап, да ладно тебе, — вмешивается Билли. — А где же Шейн будет спать, когда снова запомнует, где живет?

— Это было один раз, — рычит Шейн, шлепая его по руке.

— Ага, как же, один раз, — толкает его Билли в ответ. — А как насчет того случая, когда тебе пришлось спать на пляже, ведь ты забыл, что припарковал машину всего в пятидесяти ярдах?

— Может, вы все уже замолчите? Ведете себя как кучка безмозглых идиотов. В гостиной сидят люди, которые все еще оплакивают вашу мать!

Это быстро всех затыкает. На минуту или около того мы забыли. Так и происходит. Мы забываем, а затем в нас словно на всей скорости врезается грузовик, и мы снова попадаем в реальность, эту странную реальность, к которой пока не привыкли.

— Как я и говорил, дом слишком большой для одного человека. Я принял решение. — Тон отца тверд. — Но прежде чем я выставлю дом на продажу, нам нужно его немного подлатать. Навести лоску, так сказать.

Кажется, все меняется слишком быстро, а я не успеваю за ходом событий. У меня едва хватило времени осмыслить мамину болезнь, как ее уже погрузили на шесть футов под землю, а теперь мне пришлось перевезти все вещи обратно домой и тут же узнать, что никакого дома больше не существует. У меня будто выбили почву из-под ног, но я по-прежнему не двигаюсь и наблюдаю, как рушится мир вокруг.

— Пока Крейг не отправится осенью в колледж, нет смысла вычищать тут все, — успокаивает отец, — так что пока подождем. Но сути это не меняет. Я посчитал, что лучше вам узнать обо всем раньше, чем позже.

И с этими словами он покидает кабинет. Дело сделано. Папа просто оставляет нас, шокированных и потрясенных, стоять тут и раздумывать над его объявлением.

— Вот дерьмо, — произносит Шейн, словно только вспомнил, что забыл ключи на пляже во время прилива. — Вы хоть в курсе, сколько порнухи и дерьма спрятано в этом доме?

— Ага. — Билли, сделав серьезное лицо, хлопает в ладони. — Поэтому, едва папа уснет, начинаем выдирать половицы.

Пока парни спорят о том, кто получит деньги за потерянную контрабанду, которую они постараются найти, я по-прежнему пытаюсь отдышаться. Наверное, я всегда болезненно реагировала на перемены. Я до сих пор разбираюсь с изменениями в своей собственной жизни после отъезда из города.

Проглотив вздох, оставляю братьев и выхожу в холл, где мой взгляд останавливается на, пожалуй, единственном, что в этом месте не поменялось ни на йоту.

На моем бывшем парне Эване Хартли.